
П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

ЭСТЕТИКА
И ЛИТЕРАТУРНАЯ
КРИТИКА

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1984

Вяземский П. А.
В 99 Эстетика и литературная критика /Сост., вступ.
статья и коммент. Л. В. Дерюгиной.— М.: Искусство,
1984.—458 с.—(История эстетики в памятниках и
документах).

В сборник вошли литературно-критические и эстетические статьи и мемуарно-биографические очерки П. А. Вяземского /1792—1878/, главы из его монографии о Фонвизине, фрагменты из записных книжек и писем. Наибольшее внимание уделяется соотношению литературы и общественной жизни, национальному своеобразию литературы и искусства, борьбе литературных направлений первой половины XIX века. Большая часть материалов в советское время переиздается впервые.

• 0302060000-82
В _____ 10-84
025(01)-84

ББК 83.3Р1
8Р1

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
[К «БАХЧИСАРАЙСКОМУ ФОНТАНУ»].
РАЗГОВОР МЕЖДУ ИЗДАТЕЛЕМ
И КЛАССИКОМ С ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНЫ
ИЛИ С ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА¹

Кл. Правда ли, что молодой Пушкин печатает новую, третью поэму, то есть поэму по романтическому значению, а по нашему не знаю как и назвать.

Изд. Да, он прислал «Бахчисарайский фонтан», который здесь теперь и печатается.

Кл. Нельзя не пожалеть, что он много пишет; скоро выпишется.

Изд. Пророчества оправдываются событием; для проверки нужно время; а между тем замечу, что если он пишет много в сравнении с нашими поэтами, которые почти ничего не пишут, то пишет мало в сравнении с другими своими европейскими сослуживцами. Бейрон, Вальтер Скотт и еще некоторые неутомимо пишут и читаются неутомимо.

Кл. Выставя этих двух британцев, вы думаете зажать рот критике и возражениям! Напрасно! Мы свойства неробкого. Нельзя судить о даровании писателя по пристрастию к нему суеверной черни читателей. Своенравная, она часто оставляет без внимания писателей достойнейших.

Изд. Не с достойнейшим ли писателем имею честь говорить?

Кл. Эпиграмма — не суждение. Дело в том, что пора истинной, классической литературы у нас миновалась...

Изд. А я так думал, что еще не настала...²

Кл. Что ныне завелась какая-то школа новая, никем не признанная, кроме себя самой, не следующая никаким правилам, кроме своей прихоти, искажающая язык Ломоносова, пишущая наобум, щеголяющая новыми выражениями, новыми словами...

Изд. Взятými из «Словаря Российской академии» и коим новые поэты возвратили в языке нашем право гражданства, похищенное не знаю за какое преступление и без суда; ибо до сей поры мы руководствуемся более употреблением, которое свергнуто быть может употребле-

нием новым. Законы языка нашего еще не приведены в уложение; и как жаловаться на новизну выражений? Разве прикажете подчинить язык и поэтов наших китайской неподвижности? Смотрите на природу! Лица человеческие, составленные из одних и тех же частей, вылиты не все в одну физиогномию, а выражение есть физиогномия слов.

Кл. Зачем же по крайней мере давать русским словам физиогномию немецкую? Что значит у нас этот дух, эти формы германские? Кто их ввел?

Изд. Ломоносов!

Кл. Вот это забавно!

Изд. А как же? Разве он не брал в вводимом стихосложении своем съёмки с форм германских? Разве не подражал он современным немцам? Скажу более. Возьмите три знаменитые эпохи в истории нашей литературы, вы в каждой найдете отпечаток германский. Эпоха преобразования, сделанного Ломоносовым в русском стихотворстве, эпоха преобразования в русской прозе, сделанного Карамзиным³, нынешнее волнение, волнение романтическое и противузаконное, если так хотите назвать его, не явно ли показывают господствующую наклонность литературы нашей! И так наши поэты-современники следуют движению, данному Ломоносовым; разница только в том, что он следовал Гинтеру и некоторым другим из современников, а не Гёте и Шиллеру. Да и у нас ли одних германские музы распространяют свое владычество? Смотрите, и во Франции—в государстве, которое по крайней мере в литературном отношении едва не оправдало честолюбивого мечтания о *всемирной державе*, и во Франции сии хищницы приемлют уже некоторое господство и вытесняют местные наследственные власти. Поэты, современники наши, не более грешны поэтов-предшественников. Мы еще не имеем русского покроя в литературе; может быть, и не будет его, потому что нет⁴; но во всяком случае поэзия новейшая, так называемая романтическая, не менее нам сродна, чем поэзия Ломоносова или Хераскова, которую вы силитесь выставить за классическую. Что есть народного в «Петриаде» и «Россиаде»⁵, кроме имен?

Кл. Что такое народность в словесности? Этой фигуры нет ни в пиитике Аристотеля, ни в пиитике Горация.

Изд. Нет ее у Горация в пиитике, но есть она в его творениях. Она не в правилах, но в чувствах. Отпечаток народности, местности—вот что составляет, может быть, главное существеннейшее достоинство древних и утверждает их право на внимание потомства. Глубокомыслен-

ный Миллер недаром во «Всеобщей истории» своей указал на Катулла в числе источников и упомянул о нем в характеристике того времени*.

Кл. Уж вы, кажется, хотите в свою вольницу романтиков завербовать и древних классиков. Того смотри, что и Гомер и Virgilius были романтики.

Изд. Назовите их, как хотите; но нет сомнения, что Гомер, Гораций, Эсхил имеют гораздо более сродства и соотношений с главами романтической школы, чем с своими холодными, рабскими последователями, кои селятся быть греками и римлянами задним числом. Неужели Гомер сотворил «Илиаду», предугадывая Аристотеля и Лонгина и в угождение какой-то классической совести, еще тогда не вымысленной? Да и позвольте спросить у себя и у старейшин ваших, определено ли в точности, что такое *романтический род* и какие имеет он отношения и противоположности с *классическим*? Признаюсь, по крайней мере за себя, что еще не случилось мне отыскать ни в книгах, ни в уме своем, сколько о том ни читал, сколько о том ни думал, полного, математического, удовлетворительного решения этой задачи⁷. Многие веруют в классический род потому, что так им велено; многие не признают романтического рода потому, что он не имеет еще законодателей, обязавших в верности безусловной и беспрекословной. На романтизм смотрят как на анархию своевольную, разрушительницу постановлений, освященных древностию и суеверием. Шлегель и г-жа Сталь не облечены в латы свинцового педантства, от них не несет схоластической важности, и правила их для некоторых людей не имеют веса, потому что не налагают с важностию; не все из нас поддаются заманчивости, увлечению, многие только что поработаются господству. *Стадо подражателей*, о коих говорит Гораций, не переводится из рода в род. Что действует на умы многих учеников? Добрая указка, с коей учителя по пальцам вбивают ум в своих слушателей. Чем пастырь гонит свое стадо по дороге прогонной? Твердым посохом. Наша братья любит раболепствовать...

Кл. Вы так много мне здесь наговорили, что я не успел кстати сделать отпор вам следующим возражением: доказательством, что в романтической литературе нет никакого смысла, может служить то, что и самое название ее не имеет смысла определенного, утвержденного общим условием. Вы сами признались в том! Весь свет знает, что

* Quellen der Geschichte der Römer⁶

такое классическая литература, чего она требует...

Изд. Потому что условились в определении, а для романтической литературы еще не было времени условиться. Начало ее в природе; она есть, она в обращении, но не поступила еще в руки анатомиков. Дайте срок! придет час, педанство и на ее воздушную одежду положит свое свинцовое клеймо. В котором-нибудь столетии Бейрон, Томас Мур, как ныне Анакреон или Овидий, попадутся под резец испытателей и цветы их яркой и свежей поэзии потускнеют от кабинетной пыли и закопятся от лампадного чада комментаторов, антиквариев, схоластиков; прибавим, если только в будущих столетиях найдутся люди, живущие чужим умом и кои, подобно вампирам, роются в гробах, гложут и жуют мертвых, не забывая при том кусать и живых...

Кл. Позвольте между тем заметить вам мимоходом, что ваши отступления совершенно романтические. Мы начали говорить о Пушкине, от него кинуло нас в древность, а теперь забежали вы и в будущие столетия.

Изд. Виноват! я и забыл, что для вашего брата классика такие походы не в силу. Вы держитесь единства времени и места. У вас ум домосед. Извините—я остепенюсь; чего вы от меня желаете?

Кл. Я желал бы знать о содержании так называемой поэмы Пушкина. Признаюсь, из заглавия не понимаю, что гут может быть годного для поэмы. Понимаю, что можно написать к *фонтану* стансы, даже оду...

Изд. Да, тем более что у Горация уже есть «Бландузский ключ»⁸.

Кл. Впрочем, мы романтиками приучены к нечаяностям. Заглавие у них эластического свойства: стоит только захотеть, и оно обхватит все видимое и невидимое; или обещает одно, а исполнит совершенно другое. Но расскажите мне...

Изд. Предание, известное в Крыму и поныне, служит основанием поэме. Рассказывают, что хан Керим Гирей похитил красавицу Потоцкую и содержал ее в бахчисарайском гареме; полагают даже, что он был обвенчан с нею. Предание сие сомнительно, и г. Муравьев-Апостол в *Путешествии своем по Тавриде*, недавно изданном, восстает, и, кажется, довольно основательно, против вероятия сего рассказа⁹. Как бы то ни было—сие предание есть достояние поэзии.

Кл. Так! в наше время обратили муз в рассказчиц всяких небылиц! Где же достоинство поэзии, если питать ее одними сказками?

Изд. История не должна быть легковерна; поэзия напротив. Она часто дорожит тем, что первая отвергает с презрением, и наш поэт очень хорошо сделал, присвоив поэзии бахчисарайское предание и обогатив его правдоподобными вымыслами; а еще и того лучше, что он воспользовался тем и другим с отличным искусством. Цвет местности сохранен в повествовании со всею возможною свежестью и яркостью. Есть отпечаток восточный в картинах, в самых чувствах, в слого. По мнению судей, коих приговор может считаться окончательным в словесности нашей, поэт явил в новом произведении признак дарования, зреющего более и более.

Кл. Кто эти судии? мы других не признаем, кроме «Вестника Европы» и «Благонамеренного»; и то потому, что пишем с ними заодно. Дождемся, что они скажут!

Изд. Ждите с Богом! а я пока скажу, что рассказ у Пушкина жив и занимателен. В произведении его движения много. В раму довольно тесную вложил он действие полное, не от множества лиц и сцепления различных приключений, но от искусства, с каким поэт умел выставить и оттенить главные лица своего повествования! *Действие* зависит, так сказать, от *деятельности* дарования: слог придает ему крылья или гирями замедляет ход его. В творении Пушкина участие читателя поддерживается с начала до конца. До этой тайны иначе достигнуть нельзя, как заманчивостью слога.

Кл. Со всем тем я уверен, что, по обыкновению романтическому, все это действие только слегка обозначено. Читатель в подобных случаях должен быть подмастерьем автора и за него досказывать. Легкие намеки, туманные загадки — вот материалы, изготовленные романтическим поэтом, а там читатель делай из них, что хочет. Романтический зодчий оставляет на произвол каждому распоряжение и устройство здания — сущего воздушного замка, не имеющего ни плана, ни основания.

Изд. Вам не довольно того, что вы перед собою видите здание красивое: вы требуете еще, чтоб виден был и остов его. В изящных творениях довольно одного действия общего; что за охота видеть производство? Творение искусства — обман. Чем менее выказывается прозаическая связь в частях, тем более выгоды в отношении к целому. Частые местоимения в речи замедляют ее течение, охлаждают рассказ. Есть в изобретении и в вымысле также свои *местоимения*, от коих дарование старается отделяться удачными эллипсисами. Зачем все высказывать и на все напирать, когда имеем дело с людьми понятия деятельно-

го и острого? а о людях понятия ленивого, тупого и думать нечего. Это напоминает мне об одном классическом читателе, который никак не понимал, что сделалось в «Кавказском пленнике» с Черкешенкою при стихах:

И при луне в водах плеснувших
Струистый исчезает круг.

Он пенял поэту, зачем тот не облегчил его догадливости, сказав прямо и буквально, что Черкешенка бросилась в воду и утонула. Оставим прозу для прозы! И так довольно ее в житейском быту и в стихотворениях, печатаемых в «Вестнике Европы».

P.S. Тут Классик мой оставил меня с торопливостью и гневом, и мне вздумалось положить на бумагу разговор, происходивший между нами. Перечитывая его, мне впало в ум, что могут подозревать меня в лукавстве; скажут: «Издатель нарочно ослабил возражения своего противника и с умыслом утайл все, что могло вырваться у него дельного на защиту своего мнения!» Перед недоверчивостию оправдываться напрасно! но пускай обвинители мои примут на себя труд перечитать все, что в некоторых из журналов наших было сказано и пересказано на счет романтических опытов и вообще на счет нового поколения поэзии нашей: если из всего того выключить грубые личности и пошлые насмешки, то, без сомнения, каждый легко уверится, что мой собеседник под пару своим журнальным клеветам.

О РАЗБОРЕ ТРЕХ СТАТЕЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЗАПИСКАХ НАПОЛЕОНА¹

Начав свои партизанские подвиги против Наполеона-завоевателя, автор рассматриваемой книжки продолжает их против Наполеона-повествователя. Он ловит его в некоторых отступлениях от истины, кои заметны в записках знаменитого изгнанника на остров Св. Елены, и сии отступления тем более автору нашему близки, что они относятся до действий партизанских в войне 1812 года. Русский автор первый обратил внимание начальства на пользу, которую могут принести военному успеху отдельные действия легкого войска, как свидетельствует о том известное письмо его к